

УДК 130.02

Тарутина. Елена Игоревна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Россия
Tarutina Elena Igorevna
Amur State University
Blagoveshchensk, Russia

**ИСТИНА, ДОБРО И КРАСОТА: КУДА ВЕДЕТ РАЗРУШЕНИЕ
БАЗОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ МИРОВОЗЗРЕНИЯ**

**TRUTH, GOODNESS AND BEAUTY: WHERE THE DESTRUCTION
OF THE BASIC VALUES OF THE WORLDVIEW LEADS**

Аннотация. В статье рассматривается бытование основополагающих мировоззренческих ценностей в современной культуре. Обосновывается необходимость защиты истины, добра и красоты в условиях агрессивного влияния идей постмодерна и глобализации.

Abstract. The article examines the existence of fundamental ideological values in modern culture. The necessity of protecting truth, goodness and beauty in the conditions of the aggressive influence of postmodern ideas and globalization is substantiated.

Ключевые слова: дегуманизация, добро, истина, красота, постистина, постмодерн, правда, расчеловечение, ценность.

Key words: dehumanization, goodness, truth, beauty, post-truth, postmodernity, truth, dehumanization, value.

Основоположник феноменологии Э. Гуссерль начал свой курс «Лекций об основных проблемах этики и теории ценности» (1914 г.) словами: «Традиционно истина, добро и красота рассматриваются как согласованные философские идеи, которым соответствуют нормативные философские дисциплины: логика, этика и эстетика» [10].

Формирование мировоззренческой триады «истина – добро – красота» имеет своим источником представление древнегреческой философии о структуре внутреннего мира человека, о трех неравнозначных сферах человеческой души. С этим представлением мы чаще всего знакомимся при прочтении «Мифа о пещере» Платона. Сообразно этому шло формирование ключевых ценностей и развивались важнейшие философские разделы.

И в течение двух с половиной тысяч лет эта исходная схема удачно работала, поскольку не противоречила ни здравому смыслу, ни религиозной идеологии. Науке она не противоречила, поскольку выходила за рамки научного дискурса. Для философии была очень важна, так как позволяла внести логическую ясность, зафиксировать исходные ценности мировоззрения, в частности, давала ориентацию в поисках смысла жизни («жить по законам истины, добра и красоты»). Такая жизнь по сути и означала сущностное отличие человеческой жизни от животного существования. В аксиологии всеединства В. Соловьева центральное место занимает абсолютная ценность Истины, Добра и Красоты, соответствующая трем Ипостасям Божественной Троицы.

Огромное количество философских, публицистических, литературно-критических текстов по-

священо всестороннему анализу понятий «истина», «добро» и «красота», а также их конкретному воплощению в человеческой культуре. Служение трем целям-ценностям определяло ценность деятельности человека, давало предельно общий ориентир развития духовной жизни общества.

В XX в. началась, а в XXI в. продолжилась атака на базовые ценности человеческой культуры. Дегуманизация и деконструкция, как ориентиры философского понимания пути развития западной культуры, в наши дни привели к результатам, которые нельзя не заметить и от которых просто отмахнуться не получится. Разговор идет уже о расчеловечивании, постчеловеческом будущем. Безэмоциональность (а по сути – цинизм) рассуждений на эту тему поражает. Исходной посылкой служит утверждение о безвариантности такого пути не только для западной культуры, но и для культуры всего человечества. При этом за рамки рассуждений уходят специфические проявления незападных культур, они попросту игнорируются. Диктат западной постмодернистской культуры в перспективе обрекал незападные народы на поглощение или вымирание.

Почему отказ от сосредоточения культуры, мировоззрения людей вокруг ценностей истины, добра и красоты равносителен самоубийству человечества?

А.Л. Никифоров обратил внимание на то, что «П.Фейерабенд вовсе не с целью эпатажа публики часто ссылается на дадаистов и порой себя именуется дадаистом: именно выступление против разума, нравственности и красоты он перенес в философию науки под лозунгом борьбы против жестких методологических правил, стандартов, норм; в конечном счете – против истины. Сначала борьба с традиционным искусством, а затем борьба с традиционной наукой и традиционной философией науки» [7, с.51].

Понятие «истина», которое было одной из смысловых опор западной цивилизации и тысячелетней культуры России, в наши дни стало мишенью информационной войны, проводимой коллективным Западом против России. Предаётся забвению тот факт, что появление понятия «истина» было одним из тех достижений, «благодаря которым человек постепенно возвышался над животным миром и закладывал основы мира культуры» [7].

Если отречься от понятия истины, то будет утрачена возможность различать правильные и неправильные выводы и рассуждения. Отказ от логических принципов классической гносеологии лишает опоры работу по установлению истины, превращая ее просто в языковую игру (о чем и говорят представители постмодернизма).

Характерным проявлением информационной войны, в которой задействованы как СМИ, так и социальные сети, стало развитие и использование манипулятивных техник информирования и постоянного вброса дезинформации, обозначаемое как «постправда». Впервые использованное в 1992 г. Стивом Тесичем, это понятие объявлено Оксфордским словарем английского языка «словом 2016 года», настолько часто стали его употреблять.

Понятием «постправда» принято обозначать виртуальную реальность, которая, во-первых, априори отлична от реальности, существующей объективно, а, во-вторых, специально сконструирована с целью манипулирования общественным сознанием [8].

Наиболее распространенными формами постправды стали:

1. Выдуманные события, призванные возбудить общественный резонанс. Наиболее циничный относительно недавний случай – провокация с расстрелом мирных граждан в Буче, который якобы был произведен русскими военными.

2. Иллюзия доказательности с использованием игры цифр. В качестве аргументов приводятся либо ложные цифровые данные, перепроверить которые рядовой потребитель информации не может, либо достоверные цифры на искажающем их восприятие фоне.

3. Отсылка к вырванному из одного контекста и помещенному в иной по смыслу контекст мнению авторитетов. Этот прием – дискредитация авторов высказываний. Такое манипулирование также способствует появлению различных интерпретаций, зависящих от устойчивости сложившегося мнения о данной персоне и информационном источнике.

4. Внушение мысли, что существует единое мнение о сути события, к которому стоит присоединиться. Неправомерные обобщения, ссылка на то, что описываемый факт относится к широко известным и получившим аргументированную оценку, способны убедить доверчивую аудиторию.

И это не единственные отличительные особенности постправды. Порой от внимания потребителей постправды ускользают тонкие моменты работы манипуляторов: подмена цели, использование коммуникативного приема, именуемого «ложной повесткой», и др. Авторы учебника «Мультимедийная журналистика» указывают, что одной из причин современной «постправды» являются объемы обрушившихся на граждан «фейковых новостей» [5]. Действительно, есть особенности протекания познавательных процессов на уровне как индивидуального, так и общественного (массового) сознания, которыми пользуются создатели тактики и технологии ведения информационной войны. Прежде всего «фейки» – это *манипулирование эмоциями* людей. То, что эмоции могут перекрывать факты, можно наблюдать повсеместно: информация негативного характера, касающаяся жизненно важных событий (например, – трагическая гибель детей), воспринимается эмоционально, без ее анализа и критики. Чтобы получить истинное (адекватное) представление об этих событиях иногда достаточно здравого смысла и обращения к нескольким источникам, выражающим различные подходы к пониманию и объяснению этих событий. Но такая «работа ума» проводится гораздо реже, чем эмоциональный выплеск по поводу события, которое своим содержанием включено в некий когнитивный «каркас».

Лишь меньшая часть аудитории способна противостоять информационному потоку, выбирать хорошо зарекомендовавшие себя источники или не сомневаться и проверять публикуемые сведения. К сожалению, большинство охотно верит придуманным, преподнесенным как сенсация, мимикрирующим под новости, сомнительным сообщениям. То есть постправда – это продукт изменившейся коммуникативной среды общества (Интернет, социальные сети).

Работа по устранению истины как цели деятельности философов и ученых проводилась по мере распространения идей постмодернизма в течение всего XX в. и продолжается в наше время.

С. Фуллер констатирует: «В современной «аналитической» школе, которая в англоязычном мире давно стала официальным лицом академической философии, никогда не было согласия ни относительно природы, ни относительно критериев истины, хотя, разумеется, некоторые определения истины отдают предпочтение, скорее, одним модусам мысли и формам знания, чем другим. В этом отношении философия всегда оставалась и остается *постистиной*» [13].

Е. Мутсопулос, обосновывая феноменологическое видение этой проблемы, отметил, что абсолютную противоположность понятий «истина» и «ложь» составляют лишь в рамках двузначной логики. «*Истинное означало бы тогда крайне содержательное с логической точки зрения соответствие, охватывающее все ступени и все модальности познания...* Ложное... в некоторой степени существует и служит системой отсчета и ориентиром для оценки расстояния, которое отделяет его от истинного, как и наоборот. К тому же оно допускает градацию, которая позволяет с полным основанием оценивать это расстояние или, если хотите, это отклонение» [6]. В качестве ступеней градации Е. Матсопулос приводит *ляпусе* (невольную ошибку, происходящую вследствие некоторой невнимательности или рассеянности); *зablуждение* (нерешительное, а потому неопределенное движение в направлении, которое в конце концов никуда не ведет), *корректное* (такое соответствие между разумом и его объектом, которое поддерживается точностью в его выражении); *измышление* (изобретенное и фиктивное,

т.е. противоположность корректному); *обманное* (необоснованное, искаженное и скрытое).

Л.А. Микешина в статье, ставшей поводом для дискуссии о релятивности истины, пишет, что необходимо пересмотреть основные понятия классической теории познания, особенно понятие истины. Она называет наивно-реалистическими представления об объективности, абсолютности и единственности истины [3]. Основание для такого пересмотра – уязвимость, нечеткость понятия «соответствие», на котором основано классическое понятие истины. Но пересмотр понятий – вовсе не отказ от них.

Особенно это значимо для социального познания. Постепенно в содержание социально-гуманитарных наук вошли признание историчности познающего субъекта, предпосылочности любого познавательного акта, многофакторности социальной реальности. Отражая переход современной науки на постнеклассические основания, Ф.В. Лазарев и С.А. Лебедев обосновывают правомерность использования интервального подхода в социальном познании: «В качестве интервалообразующих факторов могут здесь выступать:

человеческие потребности, интересы, ценности, цели;
системы материальных отношений, социальные институты, организации;
единое экономическое, правовое или информационное пространство;
нормы, регулирующие поведение людей в обществе;
традиции (в быту, культуре, политике и т.д.).

Эти факторы могут быть устойчивыми, долговременными, глубинными, но могут быть и быстро изменяющимися, случайными, ситуационными. Но во всех случаях они выступают как основание и как предпосылка в поведении людей, в их деятельности» [1].

А. Мовчан [4] связывает легкость восприятия того, что можно назвать постправдой с присутствующими нашему индивидуальному сознанию моментами, абберацией и интерпретацией.

Абберация сознания (ошибки, нарушения, погрешности) накапливается по мере расширения объемов знаний, представлений, личного опыта. Современный человек захлебывается в потоке противоречивой информации и к тому же пребывает в состоянии острой нехватки времени. Сочетание истинных характеристик объектов познания и абберации образует своеобразный «каркас», который предопределяет принятие или отторжение новой информации. Возникает слишком быстрый ответ: новая информация либо не интересна, так как не нова, либо противоречит основным положениям «каркаса» и по этой причине отбрасывается. Любые аргументы, детали, которые не вписываются в общее представление об объекте, часто просто игнорируются. Это мы можем наблюдать на примере русофобских настроений, которые охватили Западный мир.

Обычно кажется, что интерпретация информации зависит только от содержания полученных сведений. Но на самом деле она зависит во многом от устойчивости оценок данного объекта в определенной социальной среде – научной, политической, общекультурной. Мир вокруг нас достаточно устойчив и убеждает нас в постоянстве его свойств и характеристик. Но когда происходит смена эпох, как в наши дни, то индивидуальные шаблоны восприятия, мифологические образы объектов интерпретации перестают работать на получение истинных знаний о них. На смену статичного мировосприятия приходят ошибочные или намеренно искаженные интерпретации (постправда).

Большое значение для бытования постправды имеет потеря общественного доверия к роли *факта* вообще, в частности к тому, что говорится и делается в политике. В современной политической практике, например, различаются два типа «постправды»: отсутствие соответствия между тезисами о намерениях и последующими шагами, т.е. говорится одно, а делается другое, порой прямо противоположное; игнорирование доказательств, предъявляемых оппонировавшей стороной как не представляющих интереса и недостоверных [4].

В условиях усложнения оценки транслируемой информации стала привычной особенностью современной жизни передача разного рода экспертам и экспертным группам выработки истинного вывода. На первый взгляд, таким образом общество выражает свое доверие носителям научной истины, профессионалам. Защитники экспертного знания утверждают, что профаны, которые пытаются выразить и донести до общества свое, отличное или даже противоположное мнение, – это антиинтеллектуалы, ставящие невежество выше знания. Ярким примером такого взгляда на профанное мнение стало отношение СМИ к критикам так называемого «коронабесия» (М. Делягин, М. Шукшина и др.). Однако такое положение дел имеет, по крайней мере, два последствия: высокомерно-пренебрежительное отношение властей к мнению населения и снижение уровня критического мышления и рефлексии у массы людей.

«Наша вера в экспертов привела к моральному отупению населения, побуждая отдавать другим, специально уполномоченным людям... право решать за них, во что верить, даже когда последствия таких решений прямо влияют на их жизнь» [13].

Есть ряд убедительных примеров того, что экспертное мнение не есть достижение истинного знания или хотя бы максимально возможного приближения к достоверному отображению положения вещей, оно во многих случаях – результат ангажированности или коррупционности «экспертов».

Жители России столкнулись с сетевым давлением со стороны СМИ всего четверть века назад и еще не успели сформировать защитные механизмы (наподобие иммунитета). Напротив, Д. Рашкофф, говоря о современной американской медиапублике, писал, что люди, вскормленные медиа, подобно детям осваивающим языки или работу с компьютером, начинают понимать их символический язык лучше, чем его создатели, и видят насквозь все тщательно замаскированные попытки контроля над своим разумом [8].

Таким образом, выделив медийные структуры в качестве субъектов формирования современного массового сознания, мы раскрыли их роль как интервалобразующих факторов коммуникативных процессов в ходе информационной войны. Оздоровление медиaprостранства потребует, как минимум, увеличения требовательности к публикуемым материалам и со стороны авторов, и со стороны аудитории. Необходимы воля, мужество, нонкомформизм для противостояния потоку дезинформации. Немаловажным моментом улучшения информационной среды должна стать культура диалога, способная стать способом мышления, адекватным современным реалиям. Наряду с диалогом, стремлением понять особенности восприятия глобального социального пространства носителями разных культур, менталитетов, требуется, во-первых, возрождение нравственного и правового наказания авторов заведомой дезинформации, создателей «фейков» – их «нерукопожатность», во-вторых, деконструктивные процессы в медиасфере должны быть поставлены под государственный и общественный контроль.

Нравственная оценка социальных процессов – необходимое условие обеспечения и оздоровления атмосферы жизни людей. Наша сегодняшняя социальная среда пребывает в процессе слома важных ориентиров, системы целей и ценностей, которые успешно действовали на протяжении нескольких веков. Философы греческой античности не только осознали необходимость обоснования цели-ценности, обозначенной словом «истина». Они попытались обнаружить критерии, позволяющие отделить истину от заблуждений, иллюзий, мифологических образов. Наибольшее влияние на рациональное мышление той эпохи оказали протагоровский критерий истины – «человек – мера всех вещей» и аристотелевский принцип соответствия знания своему объекту.

Формирование науки, как особой деятельности по получению истинных знаний, стало со временем причиной роста уважения и общественного доверия к научным знаниям. Утверждение Ф. Бэка

она «Знание – сила» – наглядный этому пример.

Философы постепенно открывали содержание истинного знания – его предпосылочность, социально-исторический характер, абсолютность и относительность и т.п. Субъективность истины по форме и объективность по содержанию, о чем немало говорилось в марксистской философии, не подрывали авторитет науки, но, напротив, снимали ряд вопросов, связанных с размытостью границ классического критерия истины – наличия адекватности образа объекта самому объекту.

Переход к неклассической науке, утвердившей принцип зависимости научного знания от методологии и инструментария научного исследования, а позднее – формирование постнеклассической науки, включившей субъект исследовательского процесса со всеми особенностями его субъективности в конечный результат, постепенно утвердили принципы релятивности и плюрализма в оценке научного знания. Философия постмодернизма сделала все для окончательного разрушения истины как главной цели – ценности рационального, теоретического познания» [7].

Происходящее в сфере философии науки выплеснулось за ее пределы. Посредством СМИ, социальных сетей, популяризирующих новомодные идеи «науки как языковой игры», «отсутствия принципиальной разницы между мифом и научными представлениями» и т.п., в массовое сознание была внесена сумятица, утратились четкие ориентиры жизни и деятельности. Таким образом, проблема истины, решаемая в классической парадигме как основа гносеологического оптимизма, в постмодернистском мире столкнула общественное сознание на позиции скептицизма, доведенного до откровенного цинизма и агностицизма. А это порождает нравственный кризис общества.

В основе когнитивной деятельности лежит осознание недостаточности информации о предметах и процессах. Если разрыва между необходимым и достаточным знанием нет, то нет импульса к поиску недостающего ответа. Пытливые исследователи знают, что получение ответа на поставленный вопрос – не финишная лента, а переход к новым горизонтам изучения объекта. Гегель это обозначил как процесс движения от истины первого порядка к истине второго и последующих порядков. Только люди с ленивым умом уверены, что знают всё.

Поскольку львиную долю знаний о мире современный человек получает за счет опосредованного познания, вопрос об адекватной трансляции истинных сведений приобретает нравственный характер. При трансляции от уровня специального профессионального знания на уровень массового сознания зачастую используется редукция. Убираются малозначительные, на первый взгляд, детали и тонкости в описании и объяснении объекта. Эта, так сказать, первая периферия научного специализированного знания – его популяризация. Решению этого перехода служат научно-популярные публикации. Но даже популяризированное научное знание может быть искажено, если кругозор и развитость интеллекта публики не в состоянии освоить его сущностный смысл. Можно привести в пример реакцию советского зрителя на фильм Э.Дэника «Воспоминания о будущем». То, что в паранаучном лексиконе именуется «палеоконтакт», обрушилось на неискушенных в этой тематике советских зрителей в начале 70-х гг. XX в. в форме двухсерийного, широкоформатного цветного фильма. В фильме не звучало напрямую утверждение, что в доисторические времена на Земле бывали представители инопланетных цивилизаций, но подобранный Дэником видеоряд и уровень знаний зрителей расхолись кардинально. Возник просто шквал вопросов, ответы на которые стали публиковаться в авторитетном журнале «Наука и жизнь» и некоторых других изданиях. Трудно сказать, что сухие, корректно сформулированные ответы, утверждающие вполне объяснимое земное происхождение артефактов, показанных Дэником, смогли преодолеть эмоциональное потрясение у большей части аудитории.

В наше время наблюдается противоположная ситуация: пресыщенность информацией парализует нетренированный ум, делая его ленивым, переставшим чему-либо удивляться. В таком случае

требуется художественный арсенал (фильмы, романы, изобразительные жанры). Их задача – пробудить ум, зажечь интерес, вызвать эмоциональный отклик. Это явление можно обозначить как вторую периферию науки. История знает множество случаев, когда позитивное эмоциональное отношение к воспринятому в форме художественной биографии ученых или истории эпохальных открытий приводила юных зрителей и читателей к серьезным научным исследованиям, ставшим профессиональным делом. В этом случае крайне важно не поступиться истиной ради эффектности и занимательности.

Если нравственность всё рассматривает через призму противоположности добра и зла, то и нравственный аспект проблемы истинности знания проявляется посредством этой оппозиции. Отрицательная моральная оценка действия по распространению недостоверных сведений обращена к субъекту этого действия. Результатом может стать недоверие, игнорирование любых сообщений, исходящих от сомнительного объекта, осуждение и даже использование правовых механизмов. Реакция лжеца тоже может варьировать – от эмоции стыда и раскаяния, отрицания ошибки в подаче информации до высокомерного пренебрежения оценками малозначимых критиков, которые не могут повлиять ни на его карьеру, ни на имущественное положение.

В русской культуре существует достаточно четкое различие понятий «истина» и «правда». Если первое предполагает констатацию факта, события и т.п., без какой-либо субъективной, эмоциональной «примеси», то второе, напротив, включает оцениваемое знание в социально-культурный контекст. В российском менталитете понятие «правда» сопряжено с другим понятием, означающем одну из важнейших наших ценностей, – «справедливостью». Истина, вступившая в конфликт со справедливостью, не воспринимается как правда. Истина, которая может своей бесстрастностью, отсутствием учета обстоятельств ее оглашения убить человека, глубоко его унижить, оскорбить, в российском менталитете приравнивается к неправде. Например, когда в суде защита приводит характеристики и действия потерпевшего в таком контексте, который превращает того в виновника преступления. А слепая Фемида принимает такие выпады всего лишь как вскрытие объективных фактов. Или когда чиновница заявляет, что государство никого не заставляло рожать детей, то такая фиксация реального положения дел вызывает волну общественного возмущения, поскольку оскорбительна по сути, нарушает баланс в системе взаимных обязательств государства и населения.

Высокая требовательность к истине-правде, как базе в социальных отношениях, распространяется и на сферу экономики, и на характер внутренней и внешней политики, формируя общественное настроение.

Рубеж XX-XXI вв. показал, что реальность, создаваемая СМИ, содержащая, наряду с чертами объективно существующего мира, вымышленные события или предвзято интерпретированные факты, уже не является объективной реальностью жизни людей. Это иллюзорная, мнимая реальность, использование которой в качестве основы для принятия решений и организации собственной повседневности чревато губительными последствиями.

Осознание процессов, происходящих в настоящее время с человечеством, вскрывает всю глубину и пагубность запущенных глобалистами трансформаций, финалом которых может стать расчленение. В западных СМИ активно обсуждается начавшийся переход от человека к трансчеловеку. Нынешние события – логическое завершение избыточной рационализации в представлениях о сущности человека.

Лидировавшая на протяжении нескольких веков, западная культура с XVII в. взяла ориентир на доминирование рациональной стороны человека и неизбежную деградацию его эмоционально-творческого начала. Чрезмерный рационализм привел к тому, что при проведении работ по созданию искусственного интеллекта обнажилась уязвимость человеческого разума и его несовершенство.

Между тем недостаточно осознан факт наличия преимущества человека по сравнению с ИИ, а именно – способность к целенаправленному, эмоционально-оценочному восприятию мира.

Высшая положительная эмоция в восприятии мира отражена в понятии «красота», а в философском дискурсе в категории «прекрасное». В эстетике с древнейших времен термины «прекрасное» и «красота» употреблялись практически как синонимы, хотя термин «прекрасное» чаще использовался в качестве широкой оценочной категории, а «красота» – для обозначения совершенства космоса и его отдельных проявлений. Показательно, что в эстетике Платона красота рассматривается как двуединая характеристика целого, в котором телесное и духовное, чувственное и разумное соединены благодаря *мере*.

События первой четверти XXI в. показали, что одна из ключевых ценностей культуры – красота (прекрасное) – оказалась смещена на второй план и существенно потеряла в своем объеме и значимости. Теоретического осмысления заслуживает вопрос: относиться ли к этому как естественному процессу или как к опасному для человека и человечества явлению?

Уже в XX в. в философских рассуждениях о красоте (прекрасном) возобладали субъективно-идеалистические идеи об их относительности и отсутствии онтологических оснований. Теоретическим фундаментом основных художественно-эстетических течений стали ницшеанство, интуитивизм, фрейдизм, которые начали последовательно вытеснять феномен и категорию прекрасного. Интерес современных философов к проблеме красоты нередко связан с сопоставлением категорий прекрасного и безобразного и обоснованием относительности критериев красоты. В XX в. эти идеи были высказаны Ортегой-и-Гассетом в «Дегуманизации искусства» [9]. В искусстве представления о красоте видоизменились под влиянием постмодерна, деконструктивизма.

Низвержение ценности красоты наглядно отражено в ограниченности представлений о красоте в массовом сознании, воспринявшем идеи потребительства. Содержание суждений о красоте на обыденном уровне обычно ограничивается оценкой телесных характеристик людей, прежде всего – женщин. Гламур навязывает свои критерии красоты – роскошь, праздность, непреходящая молодость. Представления о телесной красоте в массовом сознании тесно связываются с наслаждением. Создатели рекламы активно эксплуатируют тему наслаждения. Это отчетливо выражено также в позах, мимике и жестах любительниц «сэлфи».

Бодицентризм наиболее активно насаждает представление о тождестве телесности и оценочных суждений о красоте. Тиражируемый СМИ эталон красоты лица становится выгодным финансовым инструментом для косметической хирургии. Генетически гиперстенические фигуры категорически отрицаются, навязывается отношение к телесным излишествам как якобы безобразным, обеспечивая процветание медицинской, околomedicalной и мошеннической деятельности в сфере борьбы с лишним весом.

Поскольку многократно транслируется идея, что телесность – сфера свободы и самовыражения индивида, распространяются не только новые веяния моды, но и обращение в архаичным практикам украшения тела, характерным прежде для африканского населения и совершенно не свойственным для представителей белой расы. Формирование спроса на необычные формы украшения тела вырастает в индустрию татуажа и пирсинга.

Низведение красоты представляет особую опасность для человека и общества в переломные, кризисные периоды. Знаменитая фраза Достоевского «Красота спасет мир» именно об этом. Даже в самой сложной ситуации каждого из нас как личность помогает сберечь наш внутренний мир, а его, в свою очередь, помогает сберечь красота [11]. Значение присутствия красоты в мыслях и чувствах ясно выражено Виктором Франклом, который, вспоминая пережитое в концлагере, писал: «Те, кто со-

хранил способность к внутренней жизни, не утрачивал и способности хоть изредка, хоть тогда, когда предоставлялась малейшая возможность, интенсивнейшим образом воспринимать красоту природы или искусства. И интенсивность этого переживания, пусть на какие-то мгновения, помогала отключаться от ужасов действительности, забывать о них» [12]. Философы прошлого догадались о способности красоты определять бытие и о том, что эта способность раскрывает суть человека.

Человек не только рационален, но и эмоционален. А красота – источник сильнейших позитивных переживаний. Способность воспринимать красоту, эмоциональная отзывчивость дана человеку потенциально, и если ее не развивать, она будет проявляться только на примитивном уровне. Вот почему существуют традиции эстетического воспитания в народной педагогике и системе образования.

Два основных канала восприятия красоты окружающего мира – зрение и слух. Особую роль в представлениях о красоте следует отвести свету. Древними египтянами солнечный свет отождествлялся с красотой и высшим благом. У Маркса красота золота и серебра связывалась с человеческим восприятием солнечного и лунного света [2]. Свет имеет важное значение в понимании красоты В. Соловьевым. «Свет рассматривается им как вспомогатель красоты, обнаруживатель ее» [11].

Хотя зрительные и слуховые ощущения, на первый взгляд, роднят человека с высшими животными, свойственное человеку эмоционально-оценочное отношение к ним наполнено смыслами, которые исходят от социального и индивидуального опыта. Например, черный цвет окружающих предметов или произведений изобразительного искусства в классической культуре имел смысл как обозначение зла, траура, трагедии (черное солнце в романе М. Шолохова «Тихий Дон» в описании смерти Аксиньи; черная форма эсэсовцев).

Аналогично световому восприятию оцениваются звуковые ощущения. Так, избыточная сила звука голоса или музыкальных инструментов никогда не рассматривалась в качестве критерия красоты. В современной музыкальной культуре мелодия, за которой должна следовать эмоция слушателя, часто заменяется агрессивным уровнем звучания, вызывающим ответное торможение процессов в верхних слоях головного мозга и высвобождение подкорковых архаических реакций. Доказано, что действие звукового давления аналогично наркотическому.

Нынешний звуковой фон изобилует звуками такой силы, которые становятся травмогенными, если не адаптироваться к ним. Начиная со второй половины XX в. методично увеличивается роль шумовой и ударной группы музыкальных инструментов. Ритм, задаваемый ударными и шумовыми инструментами, начинает доминировать, подавляя мелодичность музыки. Эксперименты с этой группой инструментов в большом симфоническом оркестре иногда приводят к прекрасным результатам. Примеры – «Болеро» Равеля, «Кармен-сюита» Щедрина, «Танец с саблями» Хачатуряна. Но при этом доминирует мелодия, ритм является выразительным фоном. Защитная эмоциональная глухота сознательно преодолевается еще более мощными звуками на концертах и фестивалях рок-музыки. В большинстве случаев доминирование ритма приводит в формированию слушателя, который, по меткому определению В. Белинского, откликается на музыку ногами.

Между тем, становясь содержанием индивидуального и надиндивидуального сознания, представления о красоте и ее антипode – безобразном, а особенно четкость ориентиров выбора в условиях многообразия предложения, влияют на реальное поведение людей. Так, представление о безобразном в обыденном сознании служит нередко стимулом к действиям, – например, к переезду из опостылевшей среды обитания туда, где предполагается совпадение окружающей обстановки и ее позитивного эмоционального и интеллектуального восприятия (из деревни в город, из провинции в столицу, из родной страны за рубеж). Другой вариант решения этого вопроса – деятельное преобразование, облагораживание наличной среды. Отсюда спрос на дизайн среды, костюма, ландшафтный дизайн, кото-

рые, к сожалению, как и другие сферы красоты, очень коммерциализированы.

Таким образом, наличие четкого понимания несовпадения представлений о красоте и характеристик пространства жизни людей может быть одним из источников творческой преобразовательной деятельности на индивидуальном и социальном уровнях. Реализуя гуманистические социальные проекты, необходимо опираться на уникальную человеческую способность строить жизнь по законам истины, добра и красоты.

Отвечая на вопрос, как воспитывать детей в новых условиях, при формировании контуров новой социальной системы тотального контроля над человеком, историк Андрей Фурсов сказал: «Нужно насмерть стоять за те традиционные ценности, которые есть у нас и которые остались еще на Западе. Другое дело, что на Западе народ эти ценности сдал. Эти ценности – это то, за что можно держаться и что можно противопоставлять» [14]. Иными словами, если мы хотим остаться людьми, мы должны сделать своей главной целью защиту истины, добра и красоты как целей-ориентиров социального и индивидуального бытия.

-
1. Лазарев, Ф.В., Лебедев, С.А. Проблема истины в социально-гуманитарных науках: Интервальный подход // Вопросы философии. – 2005. – №10. – С.95-115.
 2. Маркс, К и Энгельс, Ф. Об искусстве. В 2-х т. – М.: Искусство, 1976. – Т.1. – 575 с.
 3. Микешина, Л.А. Релятивизм как эпистемологическая проблема// Эпистемология и философия науки. – 2004. – Т.1, №1. – С. 63-81.
 4. Мовчан, А. Россия в эпоху постправды. Здравый смысл против информационного шума. – М.: Альпина Паблишер, 2019. – 598 с.
 5. Мультимедийная журналистика / ред. А.Г. Качкаевой, С.А. Шомовой. Учебник для вузов. – М.: Высшая школа экономики, 2017. – 413 с.
 6. Мутсопулос, Е. Истина: успехи и поражения // Вопросы философии. – 2013. – №5. – С.107-114.
 7. Никифоров, А.Л. Понятие истины в теории познания // Эпистемология & Философия науки. – 2008. – Т. 2. – С. 50-65.
 8. Николаевич, И. С. [Как нас обманывают СМИ. Манипуляция информацией.](#) – СПб.: Питер, 2018. – 320 с.
 9. Ортега-и-Гассет, Х. Дегуманизации искусства // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/degumanizatsiya-iskusstva/viewer>.
 10. Фрагмент из книги Э. Гуссерля "Лекции по этике и учение о ценности". Раздел II. Формальная аксиология. § 9-10 / пер. Т. Терентьева // Эпистемы. – 2016. – Вып. 11. – С. 126-137.
 11. Сизова, Жанна. Воплощение идеи красоты в философии В. Соловьева и в романе Зэди Смит «О красоте»// URL:<http://russculture.ru/2020/03/28/janna-sizova-voploshenie-idei-krasoti/>
 12. Франкл, Виктор. Сказать жизни «Да!»: психолог в концлагере/ пер. с нем. – М.: Альпина Нон-фикшн, 2009. – 239с.
 13. Фуллер, С. Постправда: Знание как борьба за власть / пер. с англ.Д. Кралечкина; науч. ред. А. Смирнова; Нац. исслед.ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. – 368 с. – ISBN 978-5-7598-2190-8 (в пер.).
 14. Фурсов, А. Нужно насмерть стоять за традиционные ценности // URL:https://vk.com/wall-16758516_117165.